

Владимир Курушкин

По дороге в рай

Книга стихов

Оренбург
Издательство “ЯМБ”
2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6-5
К93

Составитель Г.Ф. Хомутов

Курушкин В.И.

К93 По дороге в рай. Книга стихов. — Оренбург,
“ЯМБ”, ОАО “ИПК “Южный Урал”, 2018. — 00 с.

Книгу стихов поэта Владимира Курушкина стоставили
лирические произведения разных лет, объединённые ис-
кренностью поэтического высказывания, свидетельству-
ющие о большом природном даровании автора.

Для широкого круга читателей

ISBN 000-0 -0000000-0-0

УДК 821.161.1

ББК 84(2=411.2)6-5

© Курушкин В.И., стихи, 2018
© Пшеничников В.А., вступ. статья, 2018
© Издательство “ЯМБ”, 2018
© ОАО “ИПК “Южный Урал”, 2018

О лирике Владимира Курушкина

Четверть века назад я с ревностью прочитал первый сборник стихов Владимира Курушкина «Первоцвет». Как оставаться беспристрастным, если Владимир Иванович всего лишь на годок старше и в силу дарования своего может отвечать перед людьми за всё наше поколение? Да и первое же стихотворение сборника оказалось камертоном, на волну которого было настроено и моё сердце: «В двадцатом веке, посредине, родился я под небом синим, под колыбельный шум берёз, — читал я с братской отзывчивостью. — С тоской и нежностью щемящей я вспоминаю наши чащи — там жил я жизнью настоящей. Эй, травы! Помните меня...» Покусав глазами десятка два стихотворений, я вдруг понял, что читать их надо вслух, и слушатели скоро нашлись — молодые, в аккурат сыновья нам. «Спишь? Проснись, очнись от сна. В рубище стоит страна, — декламировал я, показывая ум, сердце и волю нашего поколения. — О, музыка русской души, могучие голоса». И лицедействовал, силясь передать «нашу» цельность и искренность, и притом абсолютное владение формой: «Я в лихорадке, в лихорадке — твои уста должно быть сладки, а руки? белы или смуглы, а груди? остры или круглы. Пришёл я к дому, к дому, к дому, а ночь темна, темна, как омут, витает всюду крепкий сон, лишь я в огне трясусь, влюблён...»

Теперь достойных стихотворений, написанных Владимиром Ивановичем, собралась у меня добрая сотня. Есть паратройка фельетонных, но и они не только выстраданы, но и мастерски исполнены: «не лезьте в души, новости о беспо-

лости, новости о нездоровости», — тоже мне, новости! Или: «тот транспорт назывался гужевым, но он живым был, господи, живым, а этот назову я смертоносным, чудовищным, простите, и погостным». Дорог же мне поэт Курушкин исключительно лирикой, но свои сильные стороны, мне кажется, Владимир Иванович и сам знает. Это знание он вложил как бы в уста Юрия Поликарповича Кузнецова: «Чудненько малюешь, простак!» Ну как «ай да Пушкин, ай да сукин сын», — вы понимаете.

За напевными строчками стихотворений «На полынных холмах», «Ах, опять эта верба», «Сметает время нас, как листья золотые», «Мы все качаемся на ветках» и многих других переживания далеко не «простые», не прямолинейные, но и ложной утончённости, изысканности нет и намёка. Зато в других стихах есть намёки на то, что вообще-то Владимир Иванович знает, как «сделать красиво», «культурно» и культурологически безупречно, но бежит этого намеренно, позволяя себе и такое, например, косноязычие: «Как охота забыть, что я здесь долгим гостем не буду, как охота забыть, что мои окончатся дни».

Лучшие его стихи исполнены так, что всякое иное прочтение просто исключено: «По полю, по морю цикория шагала я на свой сенокос вдоль речки, которая спорила с цикорием синью стрекоз. И в ней облака плыли белые, и к ней ежевика ползла, и ягоды черные, спелые волна, отражая, несла», «Смерть собирает урожай, а я твержу: рожай, рожай».

Дар и мастерство очевидны, а мне не терпится перейти к «идейному содержанию» лирики моего погодка.

Первую свою книгу Владимир Иванович завершил стихотворением «Дорога в рай». На этом отрезке пути он разместил и любимых черёмуху с ландышами в цвету, и провожающих любимых женщин, плавно качающих бёдрами, и рас-

ставание с землёй изобразил несколько по-шукшински: «по дороге в рай — в тени берёз сиреневой — я хочу упасть в шумящую траву». Тут можно кстати сказать, как незадолго до смерти Василий Макарович писал, что он уже сорок лет интересуется философией. В то время, когда ему и сорока пяти не было. Загнул? Вряд ли. Лет с пяти мы и задаём главные вопросы из философии жизни, и мучаемся ими до слёз, например, представив себя — даже в нескором будущем — осиротевшими.

Какие же философские вопросы решает зрелый поэт Курюшкин? Какова метафизика его лирики? Вот у него «женщина — царица, берегиня, чья грудь двоится, словно жизнь и смерть». В кошмарном сне он обращается к матери: «Кто же я? чей я сын, ты скажи?» — а в ответ: «ты вор и бродяга». То его заносит «туда, где зевластая вечность с огромным сачком на плече, и я для неё, как кузнечик, как рыбка в прозрачном ручье». А какие чувства разрывают поэта, когда он пишет: «я опять танцую чёрный рэп, галоши скинув, босиком в траве. Смотри и негодуй: да, я поэт с кузнечиком на лысой голове»?

Почти прямой ответ на все эти вопросы обнаруживается в недавнем стихотворении: «С какого бока надкусить румяно яблоко? Какую женщину любить? Забыл я накрепко. Добро и зло кипят во мне двумя потоками: один шумит ночи темней, другой, как день за окнами». Это, может быть, не самое совершенное по форме, но очень точное по содержанию стихотворение.

Садится чёрт: «Привет, поэт».
И ангел рядышком.
И предлагает их дуэт
румяных яблочков.
Я откажусь — дороже честь

и независимость —
и попрошу пока принести
зелёно-кисленьких.
И женщин буду обходить
сторонкой опытных,
и чёрта лишь благодарить
за хлопоты.

Но главное сказано: добро и зло кипят в нас самих двумя потоками.

И граница между добром и злом проходит через наше собственное сердце, делит его надвое, и каждый решает сам, какая часть ему дороже. Только, делая выбор, решившись даже отсечь противное, следует помнить, что с разорванным сердцем вообще не живут.

Написанные стихи Владимира Ивановича Курушкина убеждают, что свою деятельную жизнь и творчество он не делил — оставался цельным и подлинным. И бывал всяким, и бывало всякое. В новых стихах я желаю погоду глубокого осмысления прожитого и пережитого и, конечно, яркого, убедительного воплощения.

Владимир ПШЕНИЧНИКОВ

Будь весел, бедолага

* * *

Как остро пахнет жизнью на земле,
Как мощно растопырил тополь ветки.
И солнце на медлительной заре
Сплошной туман рассеивает в редкий.
Благоухают ирисы в саду,
Такие с виду полунедотёпы,
И шмель на их ушастую звезду
Садится деликатно вертолётom.
Всё движется, поёт, цветёт, летит.
Поставленную Господом задачу
Все выполняют, только я, пиит,
Стою и п лачу.

* * *

Спрошу, спрошу тебя, Россия,
Где твои реки разливные,
Где твои рощи золотые,
Где твои кони вороные,
Куда всё это унеслось?
Я неповинен, неповинен,
В двадцатом веке, посредине,
Родился я под небом синим,
Под колыбельный шум берёз.
Мой дед с косою шёл по травам,
Отец исчез, как не бывал он,
И полегла в полях кровавых
Вся моя кровная родня.

Я полюбил деревню деда
И ненавидел город слепо,
Но увезла, пыля, телега
Туда, как пленника, меня.
С тоской и нежностью шемящей
Я вспоминаю наши чащи —
Там жил я жизнью настоящей.
Эй, травы! Помните меня?
Как я за дедом шёл с косою,
Светило небо бирюзою,
На косу сыпало росую, —
Цвела российская земля.

* * *

Я живу в нищете, оголённый, как провод,
Средь таких же друзей и таких же знакомых.
Никаких перспектив, никаких перемен
Под прорехами крыш, ненадёжностью стен.
«Бросься в реку», — зовут меня стылые воды.
«С высоты ринься вниз», — говорят небоскрёбы.
Я подобен лучу, я подобен траве,
Ничего не хочу, лишь живу на земле.
И глядит на меня, ох, усталая мама.
У тебя, мой сынок, не квартира, а яма.
Пожалей ты детей, пожалей ты жену.
Всё мне ставит в вину, всё мне ставит в вину.
Самолёты летят и плывут пароходы.
Я цветочек сорву — совершенство природы,
Как две капли воды, я похож на него.
Не прошу ничего, не прошу ничего.

ВИЙОН

Поэтам, погибшим в 1990-е годы.

В ночной электричке, что мчится вьюном
В промозглую даль, завывая,
Ходил по вагонам наш русский Вийон,
Стихи пассажирам читая.
В стихах этих виделось солнце бродяг,
Ночлежки, задержки, кутузки,
И боли тупой бесприютной заряд,
И всё нараспашку, по-русски,
Десантник в лавине летел марш-броска,
Шахтёр задыхался под углем.
И вдруг зазвучала такая тоска,
Людей потрянуло как будто.
Он всех разбудил, весь вагон зашуршал,
Что есть, из карманов выная,
А он им читал и читал, и читал
Про жизнь без конца и без края,
Которая бьёт беспощадно под дых,
Ломает и сильных, и слабых.
Но русский Вийон вспоминал про родных,
Про речку, про звёзды, про радугу,
Которая встанет над горькой страной
Над ним в придорожной канаве,
И он засмеётся: «Как шарфик цветной.
Такой бы в подарок мамане».
И щедрость людская откуда взялась,
Впервые я видел, как слово,
Как музыка, в сердце из сердца лилась
Мятежно, крылато, сурово.

Он участь свою раздробил, и на всех
Хватило тепла и участия.
Он даже не думал, что это успех,
О нём не имея понятия.
И в шапку его устремился поток,
А он без «спасибо» и лести
Прошёл весь вагон, совершив марш-бросок
С безногим десантником вместе.
И вновь тишиною облёкся вагон.
Мелькали в окошках созвездья.
Но каждый в себе был — в себя погружён,
Омытый слезами поэзии.

* * *

Памяти М. Евдокимова

Я из бедной крестьянской семьи.
Вот сажу, как вахлак, на мешке.
Под ногами ползут муравьи.
Мысли спят, точно пули в рожке.
Красный чуб на бровях у меня
Колыхается, словно огонь.
Вся моя, перепившись, родня
Пляшет барыню, да под гармонь.
«А подсолнухи спелые, слышь», —
Говорю братану-плясуну.
Но застолье шумит, как камыш,
Поднимая веселья волну.
Я из бедной крестьянской семьи,
Я для ряженных лапти плету.
А соседи, схвативши скамьи,

Расходившись, на битву идут.
Не без этого мы баловства.
В самогонку солома летит.
Ни родства тебе, ни кумовства —
Как похлёбка, сраженье кипит.
И лютует гармонь, на басы
Нажимает кузнец-гармонист.
Только брызжут кровищей носы
Да с дубов отрясается лист.
Я из бедной крестьянской семьи,
Городским я не стану вовек.
Я очнусь от удара скамьи,
Вот и мне нанесли всё же вред
Ненароком, ну что ж — мужики!
Красный чуб мой повис на бровях.
У меня тоже есть кулаки,
Закалённые в разных боях —
Я из бедной крестьянской семьи.
Не ломайте мне рёбра дубьём.
И гоню всех остатком скамьи
В неглубокий, но все ж водоём.
И когда всё село соберу,
Я скажу им: «Купайтесь, друзья.
Охладитесь, в такую жару
Пить до белой горячки нельзя».
Красный чуб мой горит на башке.
Что ли, поняли русскую речь?
Я сидел, как вахлак, на мешке
И мечтал вас любить и беречь.
А как солнце сойдёт за гумно

И проклонется звёздная сыпь,
Разрешу я им, раз уж темно,
Из холодной воды выходить.
И обидчиков нет у меня,
А вода с них стекает ручьём.
Гармонист, ну-ка, дай им огня,
Чтоб скорее пустел водоём.
На столах жёлтым солнышком мёд.
Возвращается стадо домой.
И душа моя просто поёт,
Как в кустах ивняка козодой.

СОЛНЦЕ СЕЛО

Вагон качало, и часы
Сказали громко: «Солнце село».
И в этот миг оно косым
Лучом последним заблестело.
И рядом спящий пассажир
Промолвил вдруг: «Часы с секретом».
И я подумал: этот мир
Я только и ловлю на этом.
И через город небольшой
Прошёл, гудя, мой скорый поезд,
И сердце сжалось: боже мой,
Я никогда не успокоюсь.
Мотаться буду взад-вперёд,
Туда-сюда без остановки,
Пока сей город не войдёт
В графу моей командировки.
И на ходу под насыпь я

Скачусь по-юношески смело,
И вдруг часы мои опять
Печально скажут: «Солнце село».
Да, что же это за напасть?
Очнусь ли я от наважденья?
А солнца луч последний шась —
И нет златого оперенья.
И до меня дойдут слова,
Что это все, уже не будет
Моя кружиться голова
От старых и от новых буден.
Что я попал сюда навек,
Здесь похоронят моё тело,
И выбьет добрый человек
На камне надпись: «Солнце село».
И рядом блящие кресты
В венках, как в грустных бескозырках,
Прочтут, вздохнут от немоты
На чьих—то горестных могилках.
Вот жил же на земле чудак,
И от него, такое дело,
Как вздох печальный на закат,
Осталась надпись: «Солнце село».

* * *

Смерть собирает урожай,
А я твержу: рожай, рожай.
Продли, продли мой славный род,
Пополни мой родной народ.
Роди, роди богатыря,

Державе грозного царя,
Мне — сына,
Чтобы смерть моя
Бежала в дальние края.
Чтобы не сгинул русский дом
В китайском месиве густом.

МИСТЕРИЯ

Б. Комарову

Упаду головою на стол,
Пусть кричат, напиваются,дохнут,
Бьют лежачих, играют в футбол,
От бесчувствия душ своих гложут.
Слава Богу, что есть валидол.
Час настал, бизнесмены, вперёд!
Спекулянты, ура на Россию!
Выдвигайся, железный ларёк,
Занимайте посты боевые!
Прочь с дороги, скаженный Ванёк!
Где ж ты, партия — наш рулевой?
Мной владеет мистический ужас.
Ты исчезла, как оводов рой,
Так и кажется, что обнаружу
Я тебя за своею спиной.
Как восторженно колокола
Ты снимала, топтала иконы,
Будто Истина, ты повела
За собою людей миллионы
И торжественно всех предала.
Как осевшая пыль, не нужны

Стали лозунги грозной эпохи.
Не догоним Америку мы,
Собирая остатние крохи
От реформ, что навроде чумы.
Слышу, слышу я тайный пароль,
И встают мои волосы дыбом.
Доллар — доллар их чудо-король,
Королева их — чистая прибыль.
Ну, а мы — нищета все и голь.
Пал товарищ мой в суп головой,
Славя Брежнева, время, какое,
Помню, помню, назвали застой.
Мы, наверно, хотели в покое
Отдохнуть пред великой бедой.
А другой, от догадок светясь,
Знай Андропова славит и славит:
Вот кому бы поболее власть,
Вот кто мог по местам всё расставить,
Если б только пошла его масть.
Разберётесь. Я вижу одно:
Как мы жалки во всех этих спорах.
Покричим, распивая вино,
И, как мыши, как крысы, по норам,
Как подводные лодки на дно.
Наверху только буря шумит.
Велика оказалась добыча:
Кто завод утащил, кто пищит
О «правах человека», приличьях,
И при том «долларами» шуршит.
Передел возглавляет Чубайс,

Ельцин пьёт, но в безмолвной России
Грохот взрывов, отдай, передай,
Надрываются песни блатные:
Колыма, Магадан, вертухай...
Это — кухонный наш разговор.
Это — наши оглядки на Запад.
Здесь не просто разор и позор,
Не одна только воля нахапать —
Это нашей стране приговор.
Вызов брошен, мы снова одни,
Царь не избран, и храм не построен,
Да не тот, что стоит на крови
И трезвонит со всех колоколен.
Храм убийц заменил храм любви.
Не оставь нас, Господь, не оставь,
Дай построить оплот величавый,
Разобраться, где навь и где явь
И от бесов картаво-вертявых,
Боже праведный, всех нас избавь.

* * *

Никогда не ловлю я свободного мира волну,
Не стремлюсь на шикарный богатый посулами Запад.
Лучше лишний разок вновь нагрюну в Ростов-на-Дону.
Оказавшись в Москве, поброжу по кремлёвским палатам.
Нет, не бью себя в грудь, патриотом себя не зову,
Только сердце стучит учащённо, когда со страницы
Маршал Жуков глядит, к обороне принявший Москву,
А за ним купола, терема и дома осаждённой столицы.
Не прошу ничего для себя, я доволен вполне,

Незаметно для глаз расцветают у ног моих дети.
Только мир, вечный мир, я хочу, чтоб настал на Земле,
Только б жизнь продолжалась на самой прекрасной планете.

ЧЁРНЫЙ РЭП

Я танцевал в галошах чёрный рэп,
Я ел с ножа сырое мясо дроф.
А ты, глаза сужая, пряча гнев,
Просила, чтоб не наломал я дров,
Когда я прыгал на ходу в вагон
И, руку высунув, махал тебе: «Прощай».
Ты слёзы закипевшие потом
Роняла в крепкий недопитый чай.
Когда я жил в китайской тесноте
И спал под гром веселья, без затей
Ты сообщала о своей беде,
Что ты одна живёшь среди людей.
Я груды мусора возил и представлял,
Что покорю Париж, как Растиньяк,
А ты спокойно знала, я пропал,
Шепча сквозь зубы: «Ну какой дурак!»
Я выходил опять на этот ринг,
Где, как всегда, дерутся только львы,
Но я—то знал, что я непобедим
Пройду сквозь пламя, выйду из воды.
И шапка непонятная на мне,
Но я заткну за пояс сто царей.
Ты вышла замуж — это же вполне
Разумно для любовницы моей.
А я опять танцую чёрный рэп,

Галоши скинув, босиком в траве.
Смотри и негодуй: да, я поэт
С кузнечиком на лысой голове.

* * *

В. Бондаренко

Пока не сыграли Шопена,
Не вынесли красный мой гроб,
Смеюсь: «Это что за антенна
Над веткой, проткнувшей сугроб?»
Шагаю по улице снежной,
Скрипят музыкально шаги.
Пока я, как бабочка, нежный,
Берите на мушку, враги.
Их нет, не нажил — незадача,
Ну что ж, буду жить до конца,
Ведь это шальная удача —
Избегнуть креста и свинца.
Там двери всегда нараспашку,
Не надо просить и греметь.
Мне дали всего лишь поблажку
За рано ушедших допеть.
Чтоб Пушкин одобрил: «Прекрасно»,
Чтоб Лермонтов выдохнул: «Так!»
Изрёк Кузнецов громогласно:
«Чудненько малюешь, простак».

ЯБЛОНЯ

Мы все качаемся на ветках
Огромной яблони в саду:

Иные лишь чуть-чуть заметны,
Другие скоро упадут.
Склюют кого-то злые птицы,
В кого внедрится червячок.
А наши лица, наши лица
Садовник видит, старичок,
Благообразно убелённый,
Он эту яблоню взрастил,
И много, много нас, зелёных,
Куда-то в сторону сместил.
Мы, право, от него зависим,
Не надо ухать на него.
Прислушайтесь, что шепчут листья,
Уж повидавшие всего.
Они лепечут: «Жизнь прекрасна,
Вам достаётся от корней
Вся мудрость, просветлённость, ясность,
Впитайте ж это поскорей.
Но только осенью глубокой
Одна лишь парочка плодов
Светиться будет одиноко
Для вечности, не для зубов».

* * *

На полынных холмах задыхается ветер,
Сквозь ромашки идут на покос мужики.
Земляника пригнулась, авось, не заметят.
Заяц прыгнул испуганно в березняки.
Ой, ты, Родина, вся ты в цикории синем,
Гой ты, Родина, вся в ковыле и овсе.

И в рубахах навывпуск мы травы косили,
Что стояли стеной в серебристой росе.
Улыбалась маманя, на стол накрывая.
Зверобоем пропахший, дымился наш чай.
И казалось и впрямь, что не надобно рая,
На духмяной траве возлежи и мечтай
О красивой невесте, о спящей царевне,
О румянце на белых, как сливки, щеках
И о том, как пройдуся с ней по тихой деревне
Средь струящихся верб, распевающих птах.
И она, наплывая любовным туманом,
Всё впитает моё и подарит своё —
Холодок родников, тишину на полянах,
Всё, что сердце берёт, а душа отдаёт.

* * *

На бабушек смотрим мы косо.
Опять они в церковь идут
И свечи из жёлтого воска
Пред тихими ликами жгут.
Всезнайки, повесы, неверы,
Как свет отделить нам от тьмы,
Коль Бога считаем химерой
И сказкою — дух сатаны?
Неужто до смертного мига
Свои не откроем сердца
Тому, кто берёт нас от лиха,
Тому, кто спасал от свинца?
Нет, нет, не забыты молитвы,
Не всё проросло в нас былём,

Мы в хоре согласном и слитном
С молитвой молитвы сольём.
За наши пропащие души,
Чтоб все-таки им не пропасть,
Гордыню свою мы порушим
И примем духовную власть.

* * *

Снилось: яблочко румяное катилось,
А за ним орда мамайская бежала, материлась.
Прогудела, прошипела, прогорланила,
Светит яблочко в сторонке непораненное.
Я к нему, к нему помчался вкусносокому,
Оказалось — это солнце крутобокое.
Засмеялось надо мной, лучами брызнуло:
Просыпайся, хватит дрыхнуть, начинай всё сызнава.

ВЛАДИМИРКА

Москва величава, не скрою,
Я жил в ней, я грел её бок.
И как—то заснул с перепую
Под дубом, на травке у ног.
Очнулся, здоровый детина
С дугою на шее стоит.
Признаться, такая картина
Любого окостенит.
Тем более, было пустынно,
Лишь звезды сияли во тьме.
— Ты кто? — я спросил благочинно
И жду, что ответит он мне.

А он истуканом застывшим
Молчит, и тогда я допёр,
Что он деревянный, мужик-то!
Лишь знак он и зримый укор
Всем тем, кто варганит делишки
Свои по чужим городам,
Забросив родные домишки
По малодоступным углам.
Здесь раньше весёлою тройкой
Когда-то ямщик пролетал,
И здесь же кистень свой разбойник
Наизготовку держал.
Владимирский тракт предо мною,
Вернее, частичка его,
В согласии с глушью лесною,
Увы, только нет одного —
Таинственных рыканий леса,
Всего-то лишь парк городской.
И вновь я заснул, как повеса,
Услышав метро под собой.

ВЕСЕННИЙ РОМАНС

Снег тает, тает снег кругом.
И под твоим окном ручьи играют
То спичечным, с картинкой, коробком,
То облаком с посеребрённым краем.
В пустые окна я гляжу твои,
Гляжу, не видя неподвижной тени.
Пусть тает снег и тают дни мои,
А мне бы пред тобою — на колени.

Гони меня, гони меня, гони,
Молчите, телефоны городские.
Как мальчика, на улице томи,
Чтоб плакал от любви и от тоски я.
Я знаю, велика моя вина
И ты живёшь надеждами другими.
Но эта долгожданная весна
В объятия нас солнечные примет.
Ведь мне осталась толика всего,
И потому хочу я очень мало:
Руки коснуться, больше ничего,
И чтобы ты меня не забывала.

В БЕЛОМ ЦВЕТУ

Снова черёмуха в белом цвету,
Словно невеста.
Снова душистые кисточки рву.
Запах чудесный.
В мае назначил я встречу с тобой.
Невероятно:
Снова ты пенишься белой фатой,
Вновь ароматна.
Белый корабль былой детворе
Будто приснился.
Снова как в лунном стоишь серебре,
Парус раскрылся.

* * *

Мать приедет и бранится,
Что посуда не искрится,

Что читаю много книг.
«Лучше б дочери дневник
Проверял бы ты почаще.
Жил бы жизнью настоящей».
Я ответить не могу.
Перед ней всегда в долгу.
С чувством горького стыда
Соглашаюсь, да и да.
А уедешь, буду снова
Перечитывать Рубцова.

* * *

Мечтал я о счастье,
Навек неизменном везенье,
Чтоб в розовом платье
Садилась ты мне на колени.
Мурлыкала б кошка,
Снег валом на город валился,
Цветущей морошкой
На наши ладошки ложился.
Махнула крылами,
Как белая лебедь, фортуна.
Снегами, снегами
Зима, обжигая, дохнула.
Сбылись все мечты,
От котёнка нет в доме покоя.
Ты в розовом платье,
А детям к лицу голубое.

С ЖАСМИНОМ

Я приду к тебе с жасмином:
Соня, сонюшка, вставай!
Улыбнёшься мне невинно,
Скажешь: «Руку подавай».
Тут же спросишь: «Как там птицы?»
Птицы, милая, поют.
«Я хочу воды напиться».
Родники, как прежде, бьют.
«А война?» Войны не будет,
«Правда?» Ну, конечно, нет,
Не умеют ещё люди
Меж собой держать совет.
Ах, болтливая сорока,
Поднимайся, говорю,
И увидишь, черноока,
Свою рыжую зарю.
Кинешь тела белый лотос
В свет востока золотой.
Выпьешь яблочного сока
Из погребки ледяной.
И цветная, и родная
Засмеёшься: «Праздник жизнь!»
Это точно, дорогая.
Просыпайся же, проснись!

* * *

И я заснул под лёгкий шум дождя,
И снилось мне, что лето миновало,
И золотой листвою сентября

Земля укрылась попервоначалу.
А дождь стучал по-доброму в стекло,
Чуть слышно пел мотив свой колыбельный.
Я спал, мне было грустно и светло,
Под шёпот ангела: «Умаялся, брательник».

* * *

Ах, опять эта верба
Медово, бедово, садово
Распустилась у дома,
Да так, что у всех на виду.
И застряло в гортани
Привычное горькое слово,
И так хочется быть
С этим миром весенним в ладу.
Так присяду под ней,
Улыбаясь прохожему люду.
Скоро пасха затеплит
Свечей золотые огни.
Как охота забыть,
Что я здесь долгим гостем
Не буду,
Как охота забыть,
Что мои окончатся дни.

МАЧЕХА

Зима холодными очами
Глядит сквозь тонкое стекло:
«Чего, мой друг, такой печальный?
Опять в любви не повезло?»

В угоду женщине любимой
Дочь не отвёз свою я в лес,
Опять, как в сказке той старинной,
В мороз, под ёлку, ждать чудес.
Но чудеса в наш век жестокий
Не совершаются уже.
И вот сию я одинокий
И думаю о госпоже,
Которой прихоть не исполнил.
Она, как я, сейчас одна,
И мечет гром, и мечет молнии
На вид метельный из окна.
И размышляю: неизменным
Всё ж остаётся человек,
Эгоистически надменным
Из года в год, из века в век.
И если рыбку золотую
Поймаю я, поймаю я,
То ничего не попрошу я —
Плыви, прекрасная моя.
Плыви и думай на просторе,
Почто же я не пожелал
Уплыть с тобою в сине море
От всех кривляк и задавал.

* * *

Грачи на тополях,
Как черные тюльпаны на полях.
Я свистнул, даже ухом не ведут.
Совет держать собрались

Папы-мамы:
Как гнёзда вить,
Как, изгибая прут,
Согнуть его среди развилок пьяных,
Чтоб с ветром
Не отправить в дальний путь
Своё семейство
С первой бурей-рейсом.
А на меня с такой-то высоты
Только взглянуть:
«Фи, это же поэт.
Не отвлекайтесь, дамы-господа,
Он безобиден. Точно. Да, да, да».
И снова шум, как талая вода.
Чтобы птенец не выпал из гнезда,
Глядите в оба.

* * *

Да, я весел.
А что мне, повеситься?
Иль, как Гаршин, —
В пролёт между лестницами.
Нет, я буду смеяться с иронией
Над всеобщей, глобальной гармонией.
За три моря уйду от политики,
Как монахи в святые обители.
Только выступят слезы солёные:
Ах, какие листочки зелёные,
Ах, какие цветы распускаются,
Будто бомбы нигде не взрываются.

* * *

Куском кирпича сбиваю сосульку.
Это весна, ребята.
Грачи прилетели.
Пьяное дыханье черёмух,
Огромные охапки сирени,
Жёлтые ковры одуванчиков,
Кустов мохнатые тени.
Девушки в воздушных платьях,
Как в солнечно-медовых объятьях.
Эскадрильи счастливых пчёл
В розово-белоснежных облаках яблоневых,
Блестящая, будто мокрая, зелень,
Клейкие листья.
Новобрачные деревья.
Зелёная их армия,
Не встречая сопротивления,
Врывается в город с криком «Ура!»
Просыпаюсь. Долго не могу уснуть.
Вижу во сне, как меня качает
Бушующая Сакмара.
Крутой берег. Золотое солнце.
Мои дети бегут по песку,
И удивлённый телёнок в конце
Замычит от блаженства.
Куском кирпича сбиваю сосульку,
Точное попадание.
Морковная точка. И падает наземь
Алмазный стержень.
Весну не удержишь.

* * *

Я блуждаю в кошмарном лесу
Вместе с мамой. «Господь не осудит.
Я сынка от всех бед упасу,
Но когда же он будет?»
«Мама, мама! — в сознание её
Я спускаюсь, как в каменоломню, —
Я твой сын, что ж ты не узнаёшь?»
И в ответ: «Я такого не помню.
«Кто же я? Чей я сын, ты скажи?»
И вдруг слышу: «Ты вор и бродяга,
И в Москве по квартирам чужим
Так же шастаешь, как Хакамада.
Её голос повсюду, как сталь,
Раздаётся с холодных экранов.
Что ей наша святая печаль,
Сей заступнице из самозванных».
«Мама, мама, я сын твой!» — кричу,
но она ничего уж не слышит.
Задувает её, как свечу,
Как берёзку, колышет.

* * *

С какого бока надкусить
Румяно яблоко,
Какую женщину любить —
Забыл я накрепко.
Добро и зло кипят во мне
Двумя потоками:
Один шумит ночи темней,

Другой, как день за окнами.
Садится чёрт: «Привет, поэт».
И ангел рядышком.
И предлагает их дуэт
Румяных яблочков.
Я откажусь — дороже честь
И независимость —
И попрошу пока принести
Зелено-кисленьких.
И женщин буду обходить
Сторонкой опытных,
И чёрта лишь благодарить
За хлопоты.

* * *

Бабочка мне села на ладонь,
Крылья полыхают, как огонь.
Распрямит и снова сложит их,
Знать, устала от забот своих.
Так же вот когда-нибудь душа
Господу в ладошку не спеша
Сядет, и огонь былых страстей
Будет догорать устало в ней.
Как рисунок лёгкого крыла —
режней жизни пепел и зола.

Блеск и бормотанье улиц

В МОСКВЕ

Большому городу привет!
Глухой провинции поэт,
Плыву в метро, почти волнуясь,
И эскалатора змея
Толкает яростно меня
В кинжальный блеск
Столичных улиц.
Большому городу привет!
Машины — искры сигарет,
Как будто землю покидая,
Летят по мокрому шоссе
Во всей компьютерной красе
Автоматического рая.
Большому городу привет!
Мне жаль, в нём даже друга нет.
За лёгкой шторой иль парчовой
Никто, никто меня не ждёт,
Катись, хоть задом наперёд,
Под хохот Аллы Пугачёвой.

СНЕЖНЫЙ КВАДРАТ

Пью только «Клинское» пиво,
Ем только хлеб с молоком.
Весело встала крапива
У помертвевших окон.
Брат мой живёт по подвалам,
Тётку разбил паралич.

Как бы мне Марка Шагала
Русской душою постичь?
Не узнаю эту землю:
Вроде, родная навек,
Вроде бы, сердцем приемлю
Выпавший радостный снег.
Баловать некому было —
Мать своим честным трудом
Всё, что могла, накопила
Для горбачёвских времён.
Смело шагаю я в ногу,
Рынок так рынок, ура!
В бурю услышать попробуй
Писк комара.
Что там видать из подвала,
Брат, молчаливый мой брат?
Дым «Беломора-канала»
И снежный квадрат, снежный квадрат.

* * *

Оле Мяловой

Мы не погибнем.
На Тверском бульваре
Опять весна.
Вот Пушкин отвернулся от вороны,
Есенин бабочку смахнул с лица,
И Герцен, маленький
Божок литинститутский,
Уютный дворик свой капризно оглядев,
Присвистнул,

Увидев юных дев,
Те были в лёгких платьях.
Уж солнце поднялось над головой
Так высоко,
Что вся Москва
Была залита солнцем струящихся лучей.
Пронизан был, пропитан был весь мир
Дыханьем жизни.
И книга всем сама просилась в руки,
И в ней было написано легко,
Что Аполлон
К священной жертве требует поэта.
Валентин Сорокин
Питомцев муз в столовую повёл.
Чтоб те, набравшись сил, потом воспели
Над Пушкиным парящий ореол,
Великого хранителя России
И солнечного гения ея.
Мы не погибнем, нет, мы не погибнем.
Не потому, что вновь пришла весна,
А потому что слово наше яро
Вот так же освещает всю планету
Тем изнутри бессмертным вечным светом,
Который льётся прямо из души,
Приказывая каждому поэту:
«Пиши!»

ПЕЧАЛЬНАЯ СКАЗКА

Самовар под яблоней заглох,
Закатились белые черёмухи.

В городе явился скоморох,
Что ни дело, то сплошные промахи.
Взялся слесарить и мастерить,
Ничего, увы, не получается.
Начал путешествовать и пить,
Но на этом сказка не кончается.
Снова возвратился в город свой,
На завод подсобником устроился,
Вскоре пропуск потерял и, злой,
Навсегда в который раз уволился.
Столько в «трудо­вой» его помет,
Горьких, как полынная от­рава.
А в деревне тихо умер дед.
Двор родной за­полони­ли травы.
Ржавый и пузатый самовар
Дотле­ва­ет на по­греб­ке быв­шей.
Яблочко с той яблони сорвал,
Вкусное — заметил, удивившись.

* * *

Уже рекламируют шубы,
Уже расписной листопад
Сметаю­т двор­ники в груды
И, воя в надгорные трубы,
Холодные ветры летят.
Скоро зима накроет
Пышным ковром поля.
Белое на золотое
Меняет земля.

ЗАВОЮЕМ!

В. Демурину

Завоюем столицу, войдём
В золотой её ряд.
И толкаем тележку вдвоём
Мы три года подряд.
На московских галерах — лимит
Исчерпали до дна,
Что же лира твоя не звенит
И моя не слышна?
Или нам не хватает небес,
Тесен мир, жизнь не та,
Или нас, как грозы свет окрест,
Не слепит красота?
Ни зазноб, ни геройства — рабам
Уподобились мы.
Так давай же заглянем во храм
Снять оковы вины.
Купим свечи, забудем о зле.
Кто за нами идёт,
Тихо въедет в неё на осле,
И столица падёт.

* * *

Мечтал я уехать в деревню,
В родную деревню свою,
Где ивы старинные дремлют,
В речную смотрясь полынью.
Да нет уж, теперь подалече
Отправлюсь я, мимо всех сёл,

От воспоминаний сердечных
Отмахиваясь, как от пчёл.
Туда, где зевластая вечность
С огромным сачком на плече
И я для неё, как кузнечик,
Как рыбка в прозрачном ручье.
Поймает — уже не отпустит,
Не даст увольнительной мне,
И будут играть мои гусли
В далёкой её стороне.

ЧЕРЁМУХА

О, черёмуха как забелела,
Даже сердце моё заболело.
Не в далёкой моей стороне,
А в Москве на обычном окне.
Ароматы её, ароматы...
Пахнет комната речкой покатою,
Где шустрят пескаришки на дне,
А она у меня на окне.
Да и я оказался не лучше,
Сам в Москве, но уже не в могучей,
А в чужой, и в такой бороне,
Что уж лучше стоять на окне,
Чем потворствовать прихотям века.
— Разглядите во мне человека! —
Я кричу, пропадая во тьме,
А она вся бела на окне.

* * *

Май пролетел, как воздушный шар,
Как пожарные на пожар,
Белой черёмухой на реке
Растаял, как облако вдалеке.
Ты улыбнись, синеглазый июнь,
С ладони пух тополиный сдунь.
Всё, что шептал на прощание май,
Нам Расскажи поскорей — разболтай.

ГЕОРГИНЫ

Настало время георгинов,
Стоят, от счастья покраснев.
«Что за гиганты, что за диво?» —
Лепечет тихо львиный зев.
И школьник тащит, удивлённый,
Сии огромные цветы,
И восхищённо стонут клёны
От непомерной красоты.
И солнце хладное сияет
Над ними. Вот вам, мудрецы,
Перед зимой, а будто в мае, —
Зимы гонцы, зимы гонцы.

ИЗ АРМИИ

Уцелеет ли моя деревенька
В течение двух лет?
Как давно я не плыл
По густой по высокой траве.
Истосковался по водице Касмарки,

По древесному шуму прялки.
Уцелеет ли моя деревенька?
Она так от мира оторвана,
Лишь черёмухой душистой прославлена
Да богата лишь берёзками белыми.
И красива — красивей не видел я.
Травы в пояс, небеса бирюзовые,
Родники — все, как слезиночки, чистые.
Деревя в них глубоко отражаются
Вместе с небом, с облаками залётными.
Уцелеет ли моя деревенька,
Не разъедутся ли все помаленьку?
Будет некому веселье выплёскивать,
Горевать по ушедшим на кладбище,
Да и в армию никто не отправится
Вслед за мною
Через поле пшеничное.

* * *

В обстановке полной секретности замер лес.
Каждое дерево — тайный агент небес.
Он приглашает, хитрый, а только войдёшь —
Кикимора заморочит, леший начнёт бубнёж.
Какие, к чёрту, станут нужны грибы,
Когда ноги уже гудят от ходьбы, как столбы,
И даже при виде зайцев берёт столбняк:
Как прилежные часовые, стоят на пнях.
А тут ещё подковёрный пружинит мох
И слышно, как вылетает за вздохом вздох,
Добро, коль удастся вырваться из цепких лап —

Ты ещё тот горожанин, тот ещё хват.
Глянешь в лукошко — в нём одинокий сморчок,
Шепчет как будто: «Повезло тебе, дурачок».

БЕЛАЯ ВИШНЯ

Когда бушующий зимний ветер
В шубе серебряной гулял по земле,
Я размечтался о солнечном лете,
О самом настоящем июньском тепле.
И с тихим звоном ко мне влетели
Яркие бабочки, роз лепестки.
Это подарок белой метели,
Подумал я, потеряв виски.
И в солнечном свете, в солнечном свете
Увидел: любимая вишню рвёт.
И сердце забилося, как будто ветер
Этот подарок сметёт, унесёт.
Сердце забилося: не надо, не надо.
Сердце забилося: остановись.
И с тихим звоном, как хрусталики града,
Собирались вишни в белую кисть.
Собирались, собрались. «А где же ведёрко? —
Спросила любимая, — где оно? Где?»
И я увидел: оно перевернуто,
В траве белёсой стоит себе.

ОДИНОЧЕСТВО

Засилье одиночества, засилье.
О, ангел! Почему не дашь мне крылья
На родину слетать, одним глазком

Увидеть всех, с кем близок и знаком?
Душа от одиночества устала,
Всё легче стало б, всё бы легче стало.
Я похожу на сад, заросший сад,
Заброшенный сто лет тому назад,
Где вместо пчёл — зуденье комарья,
Гнилою падалицей устлана земля.

ПРОДАЁТСЯ ДОМ

Дома продаются,
Дома продаются!
Лишь тени хозяйские
В них остаются.
Что шепчут они по ночам,
Эти тени?
Да, да, об измене.
Кому-то на север,
Кому-то на юг,
А дому жилому
Приходит каюк.
Бурьян ему в окна,
Как розгами, хлыщет,
И кошка хозяев
Исчезнувших ищет.
Не помнив родства,
Вырываем с корнями,
А после рыдаем:
Себя потеряли!
И дед с потемневшим
Приходит лицом,

Устав неприкаянным
Быть мертвецом.
Дома продаются,
Дома продаются!
Поломаны полки,
Расколоты блюда,
И в окнах болотный
Пылает огонь.
И дед козырьком
Приставляет ладонь.

* * *

В городе-государстве,
В Москве-столице,
Живу, как птица.
На улице дождик,
На улице слякоть,
В городе-государстве
Мне охота плакать.
Миллионы квартир,
Миллионы домов,
А мне и в сортир —
Под небесный кров.
Злая городская
Роза ветров
Напевает снежно:
«Будь здоров».
Эх, какие пряники
Была моя жизнь!
Когда кому похвастаюсь,

Скажут: побожись.
Была любимая,
Был угол свой.
Мелькают витрины,
Ветер сквозной
Снежно напевает:
«Пой, поэт, пой!»
И я начинаю
В голос и крик.
На улице дождик.
Я почти старик.
Зачем мне такое
Проклятое житье?
На улице слякоть.
Всё.

* * *

Пируй, столичная братва,
Съезжайся, шумная малина.
Не вы создатели АН-2
И победители Берлина.
Не вы, восстановив страну,
Гагарина послали в космос,
Не вы подняли целину,
Кубинский защитили остров.
У вас всё ваше на столе,
И заграничные костюмы
Вас выдают. На помеле
Вы прилетели, чтобы плюнуть
В лицо заплаканной вдове,

В лицо безногому солдату,
Что не поймут уже вовек,
Как оказались виноваты
Они, что ночи напролёт
Для нас готовили победу,
Что верили: придёт, придёт
Счастливым день на всю планету.
И вот настали времена:
Сидят и пьют на гробовые.
И лишь в глазах у них видна,
Как отражение, Россия.

* * *

Синей тенью жмётся к снегу вечер,
И в прозрачно-льDISTое стекло
Смотрит месяц, так по-человечески,
Будто нужно и ему тепло.
Женщина застыла на пороге —
В дом зайти иль постоять одной,
Во внезапно вспыхнувшей тревоге
Перед наступающей зимой.

* * *

Дома надели белые береты,
Искрится снег на людной мостовой,
И дворник стал фигурой заметной,
Значительной и, в общем-то, родной.
О, ожиданье чуда, ты прекрасно!
Розовощёкой мнится детворе,
Что снег для них сошёл с небес атласных, —

Летят на санках с визгом по горе.
И старикам сегодня не сидится,
И им охота потоптать снежок,
Чтобы, вернувшись, тихо наслаждаться
Горячим чаем, скушать пирожок.

ЗИМА

Садись за клавиши, зима,
Играйте, ледяные пальцы.
Слепи и радуй, белизна.
Снежинки, падайте, порхайте.
В ежовый холод города
Берите, яростные вьюги.
Оденьтесь в шубы, господа.
Забудьте солнышко, подруги.
Вон в красном платье у окна
Застыла юная особа.
Конечно, ей милей весна,
Чем эти пышные сугробы.
Но всё же барышня глядит
В каком-то бледном озаренье,
Как снег летит, летит, летит,
Мерцая звёздным опереньем.
Да, здесь не юг, нет алых роз,
Не прилетают к нам фламинго.
Зато как крепок наш мороз,
Как у людей дыханье дымно.
С каким румянцем на щеках
Бегут из школ до дома дети,
И на высоких проводах

Так лучезарно иней светит,
Что даже сгорбленный старик
О чём-то весело хлопочет
И вдруг, снежок скорей слепив,
Кидает в бабку и хохочет.
В нём юность вспыхнула на миг,
Душа усталая взыграла.
Я сам стою, как белый гриб,
И радуюсь: зима настала.

ОДУВАНЧИКИ

Нас занесло случайно в парк,
Там были девочки и мальчики.
И ты сказала: «Милый бард,
Люблю безумно одуванчики».

Чтоб золотой прибой к ногам,
Катился бархатной волною.
Не рви, поверь своим глазам,
Их красоте и их покою.

Как половодье по весне,
Они повсюду разольются
И золотистыми кашне
Вокруг берёзок обовьются.

Любимая сплетёт венок,
Украсит голову шальную.
И вздрогнет сердце и поймёт
Их тайноветреность земную.

Чтоб повторялись вновь и вновь
Ликующие одуванчики,
Воскресни, первая любовь,
Целуйтесь, девочки и мальчики.

ЛЮБОВЬ

О. М.

Любовь, голубка, трепещи
Над миром белыми крылами
И в садик малышей тащи,
Прижавшихся счастливо к маме.
Пока надменно крейсера
Глядят на чужеземный берег
И термоядерная мгла
Не распахнула наши двери,
Целуйся с девушкой, солдат,
Летите, пчёлы, за нектаром.
Пока земли цветущий сад
Нас очаровывает даром.
Любовь, любовь, — кричат везде,
С трибун, на улицах, с амвонов.
Но Бог, распятый на кресте,
На нас взирает отчуждённо.
Эфир наполнен трескотнёй,
Дворцы — бумажной волокитой.
И ждут ракеты под землёй,
Когда над ними сдвинут плиты.

* * *

Тот транспорт назывался гужевым,
Но он живым был, Господи, живым,
А этот назову я смертоносным,
Чудовищным, простите, и погостным,
И, думаю, товарищам иным,
Все ж надо ездить только гужевым.

* * *

Сметает время нас, как листья золотые.
На той земле, где я резвился босиком,
Осталось несколько дворов — полуживые,
Они стоят пока ещё, но сгинут в срок.
И мои девочки с косичками шальными,
С лукавой строгостью глядевшие мне вслед,
Они с цветочками в руках, платки льняные,
Улыбки тают на устах, как зимний снег.
Взмывают в небо самолёты, вертолёты,
На крышах голуби воркуют, как во сне.
Земля любимая моя, мы все — пилоты,
Растаем птицами в дневной голубизне.
Да, всё рассыплется, развеется, умчится,
Сожгут все письма, фотографии мои.
И что на свете жили мы — как небылицу
Расскажут шумные весенние ручьи.

* * *

Да что весна — не буду замечать
Её тепла, её цветочки, почки.
Ещё вчера, белее, чем санчасть,

Зима металась, минус был всеобщим.
В платках ходили, шубы волокли,
И вдруг теплынь, широкий луж разлив.
Как принимать, как всё это встречать —
Ни дня без строчки?
Нет, бежать в поля
И радоваться пахотному слою,
Грачам махать фуражкой своею.
Прижать к груди бабёшку молодую,
Какую-нибудь глупенькую Хлою,
И ждать, когда ударит соловей
В ветвях черёмух,
Полных белизною.
А, может быть, иначе —
У окна стоять и видеть,
Как плывут по небу
Сто тысяч облаков?
Нет дураков, не кончилась зима.
Вновь завтра снег, мороз,
Холодный ветер —
Что я буду делать?
Всю обувь выставлю на батарею
И спрячу нос
В барашковый воротничок пальто.

ПОД НАДЗОРОМ СОЛНЦА

Как быстро солнце высушило слёзы,
Мгновенно праздник в душу мне проник.
Затрепетали светлые берёзы,
Забил ключом таинственный родник.

Подсолнух засветился жёлтым глазом,
Эй, не робей и силы не жалея.
И ледяной, как зимний холод, разум
Сказал: прекрасно жить среди людей.
И женщина — царица, берегиня,
Чья грудь двоится, словно жизнь и смерть,
Произнесла с любовью моё имя,
И вся в цветах зазеленела твердь.
Так мы живём на этом белом свете,
Я чёрному священнику скажу:
Оставь нас, ибо мы земные дети,
И Бог нас любит и не ждёт нас суд,
Ваш Страшный Суд.

* * *

Помню, в детстве золотом
Еду с дедом на телеге.
Ягоды растут кругом.
Спрыгнув, рву, а дед мой едет,
Лошадь щёлкая кнутом.
Не сержусь на деда я,
А безмерно удивляюсь.
Манит ягода меня —
Вновь с телеги я срываюсь,
Страх свой детский затая.
Край дороги — земляника,
Не бетонные столбы.
Это вспомнить даже дико —
Вроде солнечного блика
И языческой мольбы.

ПОИСК

Затянувшийся поиск вечной любви,
Затянувшийся поиск...
Даже в зимнее время поют соловьи:
«Развяжи её пояс».
И на белом снегу распустились цветы
Птичьих лапок сирени.
Даже если любовь — это только мечты,
Не склоняйся к измене.
Продолжается жизнь, продолжается бег,
Остановки безумны.
Даже если любовь холодна, словно снег,
Не порви её струны.
Есть надежда последняя, Господи, есть.
А холодная вьюга
Этот мир многоликий способна занести,
Как последнего друга.
Затянувшийся поиск вечной любви,
Затянувшийся поиск.
И срывают стоп-краны и бегут по степи
Двое.

ЗАПОВЕДЬ

Когда восвояси пойдёте,
Страну очищая мою,
Банкроты, всё то, что возьмёте
Хранить в чужедальнем краю,
Расставьте, попрячьте в том доме,
Где будете жить до конца:
Украденные иконы

И золото с мертвеца.
Повесьте на стенах картины,
Что в плен увозили от нас,
Где наши берёзы, рябины,
Где пляс наш и наш перепляс.
Глядите, как будет струиться
С небес наших солнечный свет,
И вам по ночам станет сниться
Из прошлого в дом этот след.
И утро тревоги добавит:
Сокровищам нету цены,
А сердца не радует. Давит
Привет с той чужой стороны.
Не мы потеряли, утратив,
Добытое нашим трудом,
А вы, возвратясь восвояси
С награбленным нашим добром.
Пред вами восстанет художник,
Пейзаж безмятежный взорвав.
Как войско, пойдет подорожник,
Ощерившись пиками трав.
Ведь знала бабулька, к иконке
Священной склоняя свой лик,
Что Русь — как родник для Вселенной,
А вы осушали родник.
Но всё это снова вернётся
По старым своим адресам,
И золото глухо смеётся,
И надпись бежит: «Аз воздам!»

ОГНИ

А. Д.

Я вышел в тамбур: стук колёс,
Угрюмое мельканье неба.
К стеклу оконному примёрз
Окурок грязно и нелепо.
Как в звёздной карте,
Ночь плыла,
Давила тяжестью бессонной,
Бросалась в ноги злая мгла,
С площадки между двух вагонов.
Всё мрачно было. Вдруг в ночи
Огни какой-то деревушки
Послали мне свои лучи
По почте, по прямой, воздушной.
Мне передали свой привет
И оторвали от печали.
Как ласково я был согрет,
Пронизан этими лучами.
Зашёл в купе и рассказал
Своим соседям по дороге,
Какой покой в душе настал,
Какие замерли тревоги —
Из-за того, что на земле
Не все живут единым мигом.
Горят, горят огни в селе,
Жестоким вопреки обидам.

* * *

Когда тоска возьмёт за глотку,
И как спасенье, хлещешь водку,
И в полночь, дом оставив свой,
Бежишь по лунной мостовой.
Когда с проклятьями глухими
Любимой называешь имя.
И ненавидишь белый свет,
И понимаешь: счастья нет, —
Тогда один бальзам на раны:
Сорвать цветок благоуханный,
Погладить по спине щенка
Голубоглазого, слегка.

ЛИХОРАДКА

Я в лихорадке, в лихорадке,
Твои уста должно быть сладки,
А руки — белы или смуглы?
А груди — остры или круглы?

Пришёл я к дому, к дому, к дому,
А ночь темна, темна, как омут.
Витает всюду крепкий сон,
Лишь я в огне трясусь, влюблён.

Как растворить мне эти двери:
С разбегу, с помощью метели?
Иль криком разбудить весь дом,
Или поднять и стук, и гром?

И выйдет муж твой на порог,
И кулаком мне всадит в лоб.
И станет тихо на земле.
И улыбнёшься ты во мгле.

ВЕСЕННИЙ РОМАНС

Снег тает, тает снег кругом.
И под твоим окном ручьи играют
То спичечным, с картинкой, коробком,
То облаком с посеребрённым краем.
В пустые окна я гляжу твои,
Гляжу, не видя неподвижной тени,
Пусть тает снег, и тают дни мои,
А мне бы пред тобою — на колени.
Гони меня, гони меня, гони.
Молчите, телефоны городские.
Как мальчика, на улице томи,
Чтоб плакал от любви и от тоски я.
Я знаю, велика моя вина,
И ты живёшь надеждами другими,
Но эта долгожданная весна
В объятия нас солнечные примет.
Ведь мне осталась толика всего.
И потому хочу я очень мало:
Руки коснуться, больше — ничего.
И чтобы ты меня не забывала.

* * *

Дайте послушать, как дуб шелестит.
Дайте увидеть в глазах у ребёнка,
Что он планету от войн защитит,
Ну, а пока пусть марает пелёнки.
Дайте с любимую наедине
Ночь провести на вершине стога.
У бесконечной вселенной на дне,
Чтобы созвездья мерцали на коже.
Дайте взглядеться в глубь родника,
Запечатлеться в глуби навеки,
Чтобы приблизились издалека
Давно отшумевшие рощи и реки.

* * *

В. Кузнецову

Мы заселили города —
Крестьяне, плотники и конюхи —
И пьём, наверно, со стыда,
Цветами застя подоконники.
Весной, страдая от тоски,
Глядим, как травы поднимаются,
И летом, глядя колоски,
С душой, как с трудной болью, маемся.
Угар бензиновый в лицо,
Асфальт горячий жжёт подошвы,
Так бы и бросил я кольцо,
Что обручило с жизнью пошлой.
Какая польза от меня,
Лишённого корней глубоких,

Да что я значу без коня,
Коров, печально волооких...
Какой же я горожанин —
Так, бедолага обычный.
Ночами коней слышу ржанье
В деревне своей горемычной.
Там угасал за домом дом,
Дворы бурьяном зарастали,
А мы в дурмане городском
На танцах бешено плясали.
Как будто силились забыть
Свои поля под синим небом.
В бетон втоптать, в бетон забить,
Что было вечным нашим хлебом.

СИВКА-БУРКА

Сказки, похожие на инструкции,
Для городских беспардонных детей.
Где ж наши Сивки-Каурки, вернуться ли,
Дым и огонь чтобы шёл из ноздрей?
Чтобы летел конь буланный над травами,
Стукнув копытом, родник выбивал,
И ямщиков пронесил над заставами,
И колокольчиков звоном пленял.
Эх, миновали те годы жемчужные
Тройкой российской, сани вразлёт!
Мчатся машины, а лошадь ненужную,
Даже и цыган теперь не крадёт.
Дать бы галопом мятежным по улицам,
Чтобы водитель в железке своей

В сторону съехал и зябко ссутулился,
Вспомнив, как в детстве любил лошадей.

МАСТЕР И МАРГАРИТА

Гуще звезды, гуще пуши.
Ночь с луною проклятушей
Не закончится никак.
Ты ль пришла средь ночи в гости,
Или кот в дремотной злости
Машет лапой наугад.
Тело спит твоё, конечно,
Рядом с мужем, спит безгрешно.
Спи спокойно, добрый муж,
А жена твоя над домом
Поднимается со звоном
Принимать нагорный душ.
Эх, как встретимся мы с нею:
— Ты куда? — Летим скорее!
— Да куда? — Да в никуда!
Нет на языке названья
Безутешного страданья,
Предрассветного суда.
Руку! За руки возьмёмся,
Мигом, мигом обернёмся.
Целовать твоё лицо
Буду долго, буду столько,
Чтоб на сердце стало горько,
Чтоб сронила ты кольцо,
Что венчало тебя с миром,
Миром серым, миром сирым,

Где мышей полно и крыс,
Где законы, как капканы,
А любовь — безлюдный мыс.
За любовь! За нашу встречу!
Я лечу тебе навстречу,
Я забыл, как плачут дети,
Как стреляют из ружья
В грудь ревнивые мужья
В лунном, в гиблом, тихом свете.

* * *

По дороге в рай
Должны цвести черёмухи.
Ландыш расточать
Свой нежный аромат.
По дороге в рай,
Простив все мои промахи,
Ангелы должны
Кричать мне: «Здравствуй, брат!»

По дороге в рай,
Качая плавно бёдрами,
Женщины должны
Идти со мной, шепча:
«Милый мой, прости,
Что я была недоброю.
Жизнь моя с твоей
Сгорела, как свеча».

По дороге в рай
В тени берёз сиреновой
Я хочу упасть
В шумящую траву,
Чтоб застыть на миг
С землёй в соединении,
Солнцем уходя
Навечно в синеву.

* * *

Удивленья бездонная бочка
Вдруг закончилась. Боже ты мой,
Оказалась душа-одиночка
Никому, ничему не родной.
И под солнцем, что ласково грело,
И под снегом, лебяжьим пером,
Ни к чему она не прикипела,
Проходя между злом и добром.
И от женщин, их милого плена
Не дождавшись любви и тепла,
Отстранилась она постепенно,
Точно лишнюю часть отсекала.
Растворясь в горних высях свободы,
Что же плачет она, не пойму.
Или заново хочет попробовать
Поллюбить этот свет, эту тьму,
Эту радость, которой не станет,
Этот смех, обратившийся в плач,
Эту нежность, что облаком канет,
Эту жизнь, что уносится вскачь?

Всё стремительно ищет забвенья,
Посетив этот солнечный мир.
Благодарствуй, душа, со смиреньем,
Что тебя пригласили на пир.

* * *

Эх, не понесёт меня рысак,
Перебирая тонко—быстрыми ногами,
Туда, где птиц летит косяк,
На солнечное пламя,
Туда, где облака висят,
Воздушно-белыми блистая куполами.
Эх, не понесёт меня рысак!
И, плавным эллипсом пройдя простор неодолимый,
Не возвратит меня рысак
К той женщине, что мной была любима,
Чтоб к ней сойти, сбежать из мчащейся кареты
И её руки целовать, что пахнут летом,
Давно минувшим, канувшим, как говорится, в Лету.
Эх, не понесёт меня рысак
На Родину, где все берёзки знают
Кудрявого меня и часто вспоминают,
Как ползал я под ними, собирая землянику
Духмяную, мерцающую из-под листьев бликами,
Не растревожу птиц своими громкими
мальчишескими криками.
Эх, не понесёт меня рысак!
Стою на остановке, жду трамвая.
Меня он повезёт, я еду, а куда — не знаю.
Наверно, в осень, где деревья облетают,

Как будто лучшее, что есть у них, — теряют.
А там на небесах заря льёт беззаботно
Счастливый алый свет на синие полотна...
Нет, не понесёт меня рысак.

БУРЬЯН

Когда последний из крестьян
Покинет Русь, оставив землю,
Что будет петь в полях бурьян
Средь одичавших в нём календул?
Какие славить времена,
Над ржавым плугом возвышаясь
И над тобою, борона, —
Врагом заклятым, потешаясь,
Последний колос победив,
Загнав на каменную осыпь,
И семена свои вонзив
Лошадке беспризорной в космы.
Когда-то с краю он стоял,
Смотрел на ниву золотую
И к небу громко вопиял
На долю горькую такую.
Кипя великим торжеством,
Свои владенья озирая,
Плевелам юным скажет он:
«Я тоже рос когда-то с краю».
Осталось ржавчине догрызть
Сей плуг — и памяти не будет,
Что здесь пшеница пёрла ввысь,
Что здесь за жизнь боролись люди.

* * *

Эта улица так зазевалась,
Так её обуяли цветы,
Что она поплыла до вокзала,
Где сядутся в дорогу мечты.
Прокатиться разок в неизвестность,
Окунуться в чужие миры,
И вернуться, вернуться на место,
В те же самые, вроде, дворы.
Но, увы, тот, кто тронулся с вечных
Заглублённых и прочных корней,
Вновь не станет припевкой запечной,
Не замрёт под шатром тополей.
Заматают его перегоны,
Иссечёт, опалит непогодь,
Чтоб быть вечным — сидеть надо дома,
А пустое мечтанье — бороться.

* * *

«Убежища!» — прошу я у цветов.
«Убежища!» — прошу я у лесов.
«Убежища!» — прошу у всех стрекоз.
«Убежища, прошу, мне дай, утёс!»
Я, царь природы и монарх озёр,
Прошу убежища, я вовсе не позёр.
В пластмассовом плену живёт весь мир,
На человечестве — пластмассовый мундир,
И звёзды отражаются на нём
Последним фантастическим дождём.

Дни хороши

* * *

О, если бы меня узнала
Берёза белая в лесу!
О, если бы меня признала
Снежинка на моём носу,
Как ликовал бы я, как плакал!
Ведь это чудо из чудес,
Когда приставшая собака
Вдруг скажет: «Ты из наших мест.
Чего тянуть — дружить давай,
Как надоел мне пустолай!»

ВОЗДУХ

В заброшенной деревне,
Где мужик со сломанным носом
Сидит на лошади, как ковбой,
Я вылез из машины
И задохнулся свежим воздухом
Берёзо-липово-дубовым.
И мужик спросил, наклонившись к гриве:
«Что с тобой?»

* * *

Гляжу оторопело на берёзу,
Она уже наметилась цвести,
А только что был снег, кукожили морозы
И уходили вдаль белёные пути.

Приходит день, когда не остановишь время,
Так рвётся с поводка, что и не удержать.
И ландыш (кем он был — лопушное растение),
Как бриллиант, вдруг стал среди зелени сверкать.
Мне хочется понять мгновенность наступленья
И перехода всех из мая да в июнь,
Крапива вся стоит в серёжках обновленья,
Похожая на всех невестящихся Дунь.
Рассаду притулив на руль велосипеда,
Помчусь на огород весёлым утром я,
Ликуя, что зима закончилась победой
Берёзок, трав, цветов и звонкого ручья.

* * *

Ветер, ветер, налетай,
С ног сбивай, кати горохом,
Чтоб в траве запел курай,
Чтобы серебристым лохом
Лист стелился, и тугай
Их проглатывал бы чохом.

ДНИ ХОРОШИ

Танцую в бело-розовой рубахе.
Мир так хорош, я у него в гостях
Под пенье птиц, под тонких веток взмахи
И ветра шум в рябиновых кистях.
Приветлив мир, гвоздика улыбнулась,
Жук прогудел: «Ну что ж, танцуй, танцуй!»
Мелькнула, словно сон чудесный, юность,
Ожёг случайный в щеку поцелуй.

О, сколько нас, наивно негодуя,
На свой аршин всё мерит невпопад,
Не замечая, как весна бушует,
Как расцветает послезимний сад.
Танцую в бело-розовой рубаше,
Навстречу солнцу вопию: «Ура!»
Пусть я умру, но и в бездушном прахе
Оставлю жить крупиночку добра.
Приветлив мир, как звёздочки из мрака,
А вот сейчас, вот в этот самый миг,
Я, как цветок рубинового мака,
Раскрылся жизни, что вокруг шумит.
Да, вот сейчас, танцую в чистом поле,
Кузнечиков в свой втягивая пляс,
Я говорю вам о счастливой доле,
О звёздах в небе и о звёздах глаз.
Свисти, мой ветер, наклоняя травы,
Гуляй, мой день. Сорока, верещи.
Мы минем всё и все придём со славой
Сюда опять, хоть чёрт нас утащи.
Танцую в бело-розовой рубаше,
В репейник залетел и от души,
Им облепившись, хохочу, руками взмахиваю, —
Дни хороши!

* * *

Промытый ветром небосклон.
Ни тучки на лазури.
Бегу на склон, лечу под склон
В распахнутом июне.

И одуванчики за мной
Летят, как провожают.
И только камешки порой
Босые ноги жалят.
Я мощной радостью гоним,
Я покорю Вселенную.
Я слышу: славься, славься, сын,
Сын Нины Тимофеевны!
Ах, детство! Грёзы, как вода,
Шумят весенним паводком.
Какая может быть беда,
Коль звезды словно ягодки!
Я позабыл число и год,
Когда все это было,
Я только помню точно: мёд
И кровь смешались в жилах.
В благоухающем саду
То пенье, то сияние.
В каком, в каком таком году
Сбываются желания?
Ещё не собран урожай,
Не смолото ни зёрнышка.
«Иди, сыночек, поиграй, —
Мать говорит, — на солнышке».
И легковейные цветы
Бегут всё дальше в поле,
И впереди мечты, мечты,
И воля, воля, воля.

* * *

Переловили окуней
и перебили лис,
и вот сюрприз:
ни одного дождя.
Стоит жара.
То окуни пожаловались богу.
То лисы вызвали степной пожар.
В пустые норы их
Забрались жабы,
Хозяйничают там.
А окуней так жалко!
Они, как моряки, на дне реки
Когда—то весело всё лето проводили.
И вот нас в наказание печёт.
Ни одного дождя
Не соизволит выпасть.
Сидим мы у разбитого корыта,
И кто наше раскаянье учтёт,
Не знаем.
Бог теперь на нас сердитый
И добрых слов
В наш адрес не речёт.

ЭТИ ЛАНДЫШИ

Остервенело проза жизни
Всё иссушает и гнобит.
Но ландыши в овраге вышли
На битву с тьмой, их свет горит.

Лампадки белые пылают,
К себе таинственно влекут,
И зря собаки грозно лают
И ветры тучи волокут.
Промчится злоба угорело,
Творя разбой, пуская кровь,
Но белых ландышей капелла
Поёт про вечную любовь.
Они нисколько не боятся
Вороньих клювов или змей.
И люди бережно дивятся
Из повседневности своей
На это маленькое войско,
На то, как средь зелёных пик
Вдруг возникает, как геройство,
Их ангелоподобный лик.

ОСЕНЬ

(романс)

Бормочет листопад, что надоело падать,
Бормочет сивый дождь, что он насквозь промок.
Укроюсь я в туман, миную грязь и слякоть,
Как бабочку, словлю порхающий листок.
Утешу я любовь, целуя её руки.
Вишнёвые уста, вновь скажете вы мне:
«Ах, осень на дворе, ах, я умру от скуки»,
Капризные уста, прекрасные вдвойне.
Я столько лет молил: хотя бы тень улыбки,
Теперь я не прошу, мне хорошо и так.
Качается листок на воздухе, как в зыбке,

Стотысячный летит, бормочет листопад.
Сердечек золотых никто не пожалеет.
Родные деревья обугленно стоят.
Но я им говорю: весной зазеленеет
Другой на вас наряд, другой на вас наряд.
А этот бедный сад осеннее ненастье
Весь растрепало так, что разве лишь в траве
Упавшие плоды, как дивный отблеск счастья.
А на устах твоих: «Ах, осень на дворе!»

СНЕГИРИ

Н.А. Емельяновой

На берёзах сидят снегири,
Снег заткал всю берёзу до пят.
И они, как крупницы зари,
Как фонарики, в ветках горят.
Снегири, снегири, снегири —
И над ними снежинки парят.

Белым снегом закроет вдруг их,
Но пахнёт лёгкий ветер, и вновь,
Вновь на ветках поют снегири
Про свою с красной грудкой любовь.
Снегири, снегири, снегири.
Снег над ними, как белая новь.

Снег кружится, и в хлопьях зимы,
Средь плакучих высоких ветвей
Снегири, словно розы, видны,
И баюкает их снеговой.

Из белёсой горят пелены
Огоньки снегирей, снегирей.

Я как будто сквозь слёзы смотрю —
Или это растаявший снег?
И я тоже, как свечка, горю,
Весь в гламур белоснежный одет.
— Эй! — кричу снегилям, снегилю. —
Пой и славь белый снег, белый свет.

* * *

А малиновка — серебром,
Коноплянка — как ручеёк,
Будто не знакомы со злом,
Что покоя нам не даёт.
Радуйся! — я сердцу твержу,
О душа, прошу, умились.
Васильки объяли межу,
Воспарили соколы ввысь.
Разве мало этих прикрас,
Флёру в жемчужной росе,
Еле различимый экстаз
В неуничтожимой красе.
Всё ещё пылает июль,
Земляника поджидает друзей.
Облачный скользит белый куль,
Как гигантский сноп орхидей.

ЧУДЕСА

Я, кстати, верю в чудеса.
Чудесна жизнь, чудесны звёзды.
Как напоказ, бежит лиса,
И дивны белые берёзы.
Нет силы славить небеса,
А лишь один восторг сквозь слёзы.
Иду по бархатной траве,
А на деревьях листья, листья
Шумят о прожитой зиме.
Им в почках тяжело томиться,
Они взорвались по весне,
Чтобы свободой насладиться.
И птицы к нам из тёплых стран
Летят — да это ли не чудо?
Зачем в наш холод и туман
Из райских куш, зачем оттуда
Стремится птичий караван,
Презрев опасности повсюду?
Я, кстати, верю в чудеса.
И вот об этом повествую.
Кто хочет, убедится сам,
Пусть вспомнит, как, гордясь, ликуя,
Взлетал когда-то к небесам
Всего-то лишь от поцелуя.

* * *

Осенняя золотая нагота.
Я выбегу, я задохнусь от ветра.
Со всех сторон падение листа —

Россия вся разута и раздета.
Зима настанет, вьюга заметёт,
Со всех сторон нахлынут снегопады.
Я буду думать, как мне не везёт —
Температур лихие перепады.
Но вот весна, о, хитрая весна!
Все в гости к нам — и лебеди, и утки.
Как берега, мне жизнь моя тесна.
Как женщине, иду ей на уступки.
Наступит лето. Ароматы, блики...
Ах, ничего нет слаще земляники!

СОСЕДКА

Соседка тётя Нюра умерла.
«И сколь земли непаханой осталось! —
Всё причитала. — Ах, какая жалость!
Какое горе!» — разговор вела.
Земля в бурьяне страшной ей казалась,
Так вопияла, будто углем жгла.
«Да батюшки!» — тростиночкой качалась.
И вот не выдержала, сникла, умерла.
Одна лишь тыква на краю её двора
Росою, как слезами обливалась.

* * *

Всё изменится само
Без твоего вмешательства.
Солнце выйдет всё равно,
Сядет председательствовать.

И зелёные леса
Над твоим топориком —
Посмеются, и лиса
Вспыхнет рыжей зоренькой.
Мир по-прежнему богат,
Мир ещё не выдохся.
Он единственный гарант
Выхода из кризиса.

* * *

Обожаю в солнечные дни
Под берёзкой белою в тени
В синее глядеть бездумно небо:
Чтобы проплывали облака,
Лёгкие раздув свои бока,
Будто наглотались они снега.
Обожаю в зимнюю метель
Злющую, гудящую, как шмель
(Лишь бы не сорвало с дома крышу),
Слушать завывания в трубе
И, прижав детей своих к себе,
На огонь глядеть золоторыжий.
Обожаю осени цвета.
Жёлтая, багряная листва
Кружится, светясь, над головою.
В небе пролетает клин гусей,
Свищет ветер, точно соловей,
В ковыле над вянущей травой.

* * *

По полю, по морю цикория
Шагал я на свой сенокос
Вдоль речки, которая спорила
С цикорием синью стрекоз.
И в ней облака плыли белые,
И к ней ежевика ползла,
И ягоды чёрные, спелые
Волна, отражая, несла.

* * *

Последнее дерево на горе
Грудью встречает ветер,
Не сдаётся осенней холодной поре,
Несколько листочков плешут, как дети
В праздник флажками. И на заре
Медное солнце его осветит,
И кора заблестит на дереве,
Как кольчуга на богатыре.

* * *

Я шёл, окружённый ромашками,
Как фрейлинами при дворе.
Здоровался с серыми пташками,
Порхающими в траве.
Сердце томила летняя
Тихая красота.

Эх, стать бы мне незаметнее
Ивового куста.
Здесь, в этом поле ласковом,
Под облаками стыть.
В обнимку с тобою, ластовень,
В соседях с тобою, сныть.

* * *

На защиту предельного таинства,
На защиту любви и тепла
Прилетят длинокрылые аисты,
И серёжки распустит ветла.
Чтобы я, на земле лишь горошинка,
Укокошить себя не спешил,
Мне под ноги раскатит дороженька
Муравы изумрудной настил.
И в черёмуху белую-белую
Ткнушь лицом я, как в девичью грудь.
Мы не виделись зиму с ней целую,
 Попрошу её: не позабудь,
Что я жил на земле, огородничал,
Не мечтал стать богатым и злым,
В иноземных одеждах не модничал,
Оставался в душе молодым.
И за это под крупными звёздами
Мне дадут молчаливый приют.
А когда растворюсь в майской роздыми,
Соловьи надо мною споют.

Содержание

Как остро пахнет жизнью на земле	7
Спрошу, спрошу тебя, Россия	7
Я живу в нищете, оголённый, как провод	8
Вийон	9
Я из бедной крестьянской семьи	10
Солнце село	12
Смерть собирает урожай	13
Мистерия	14
Никогда не ловлю я свободного мира волну	16
Чёрный рэп	17
Пока не сыграли Шопена	18
Яблоня	18
На польнных холмах задыхается ветер	19
На бабушек смотрим мы косо	20
Снилось: яблочко румяное катилось	21
Владимирка	21
Весенний романс	22
В белом цвету	23
Мать приедет и бранится	23
Мечтал я о счастье	24
С жасмином	25
И я заснул под лёгкий шум дождя	25
Мачеха	26
Грачи на тополях	27
Да, я весел	28
Куском кирпича сбиваю сосульку	29
Я блуждаю в кошмарном лесу	30
С какого бока надкусить	30
Бабочка мне села на ладонь	31
В Москве	32

Снежный квадрат 32
Мы не погибнем 33
Печальная сказка 34
Уже рекламируют шубы 35
Завоюем! 36
Мечтал я уехать в деревню 36
Черёмуха 37
Май пролетел, как воздушный шар 38
Георгины 38
Из армии 38
В обстановке полной секретности замер лес 39
Белая вишня 40
Одиночество 40
Продаётся дом 41
В городе-государстве 42
Пируй, столичная братва 43
Синей тенью жмётся к снегу вечер 44
Дома надели белые береты 44
Зима 45
Одуванчики 46
Любовь 47
Тот транспорт назывался гужевым 48
Сметает время нас, как листья золотые 48
Да что весна — не буду замечать 48
Под надзором солнца 49
Помню, в детстве золотом 50
Поиск 51
Заповедь 51
Огни 53
Когда тоска возьмёт за глотку 54
Лихорадка 54
Весенний романс 55

Дайте послушать, как дуб шелестит 56
Мы заселили города 56
Сивка-Бурка 57
Мастер и Маргарита 58
По дороге в рай 59
Удивленья бездонная бочка 60
Эх, не понесёт меня рысак 61
Бурьян 62
Эта улица так зазевалась 63
«Убежища!» — прошу я у цветов 63
О, если бы меня узнала 64
Воздух 64
Пляжу оторопело на берёзу 64
Ветер, ветер, налетай 65
Дни хороши 65
Промытый ветром небосклон 66
Переловили окуней 68
Эти ландыши 68
Осень 69
Снегири 70
А малиновка — серебром 71
Чудеса 72
Соседка 73
Всё изменится само 73
Обожаю в солнечные дни 74
По полю, по морю цикория 75
Последнее дерево на горе 75
Я шёл, окружённый ромашками 75
На защиту предельного таинства 76

Типографские данные